

Война в Сирии, или нити окровавленного ковра

Отчет миссии по выяснению ситуации
в поддержку политического решения конфликта

Мы, нижеподписавшиеся, на протяжении значительной части нашей жизни – активные участники политических проектов, направленных на защиту интересов угнетенных народов Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока и Палестины, предприняли двухнедельную поездку в Бейрут и Дамаск с 29 августа по 12 сентября 2012 года. С самого начала мы рассматривали нашу деятельность как выполнение предварительной работы по выяснению ситуации в качестве подготовки к более масштабной и значительной инициативе – планируемой через один – два месяца миссии видных представителей международного гражданского общества по поиску путей к миру в Сирии.

В ходе работы нашей миссии по выяснению ситуации мы имели возможность провести беседы с представителями почти всех политических сил, вовлеченных в сирийский конфликт. Все они открыто отвергают любое внешнее военное вмешательство и в принципе хотели бы положить конец насилию и репрессиям, которые в большинстве районов страны привели к необъявленной гражданской войне.

Поэтому в анализе, представляемом нами в этом предварительном отчете, мы попытаемся быть настолько объективными, насколько это возможно. В нем будут отражены не столько наши разнообразные точки зрения на ситуацию, сколько мнения широкого круга людей, с которыми мы беседовали. Из соображений безопасности мы не упоминаем имена наших собеседников, но лишь указываем, к какой политической среде они принадлежат. Если различные заявления противоречат друг другу, мы представляем их так, как есть, предоставляя их оценку читателю, а не себе.

Поскольку мы не можем претендовать на полный или исчерпывающий характер нашего отчета, мы рассматриваем его лишь как предварительную попытку, и мы надеемся, что за нею последуют другие люди, которые предпримут аналогичный риск и посетят этот регион, чтобы стать свидетелями драматического развития событий в одном из самых сложных конфликтов нашего времени.

Отчет содержит следующие разделы:

1. История и структура режима.
2. От конфликта к войне.
3. Многообразие оппозиционных групп.
4. О внешнем вмешательстве и о конфессиональном сектантстве.
5. Предложения по достижению мира через политический диалог.

1. История и структура режима

Некоторые из наших собеседников были ветеранами оппозиции, проводившими более десяти лет в тюрьмах во времена режима Хафеза Асада, отца Башара Асада. По словам д-ра Файеза Фаваса, пользующегося большим уважением оппозиционного лидера (одного из «отцов-основателей» Сирийской коммунистической партии), сирийский режим с самого начала – с 1970 года – опирался, с одной стороны, на армию и силы безопасности, а с другой – на партию Баас, насчитывающую более миллиона членов. Как сказал один из лидеров оппозиции: «Армия, нравится нам это или нет, – это государство. Если она будет уничтожена, Сирия как суверенное государство перестанет существовать». В период «холодной войны» Асад создал так называемый «Национальный прогрессивный фронт» для осуществления собственного абсолютного контроля над политической жизнью; при этом были запрещены независимые профсоюзы и левые партии, а

также «Братья-мусульмане». По словам нашего собеседника, «все приказывалось сверху», и народ в целом терпимо относился к этому порядку, поскольку Асад осуществил земельную реформу с раздачей обширных участков земли и проводил политику полной занятости. С другой стороны, многочисленные конкурирующие друг с другом структуры сил безопасности (их в стране, согласно некоторым источникам, в действительности 16 разновидностей) располагали властью, доходившей до того, что, по утверждению одного из интервьюированных нами людей, они должны были даже выдавать разрешение на брак.

Проблемы начинались тогда, когда возникали более широкие движения, как в 1976 году (движение против вторжения в Ливан), в 1979-м (движение юристов, защищавших «Братьев-мусульман и выступавших за демократизацию общества) и, наконец, в 1982-м, когда были убиты тысячи людей, с разрушением целого города – Хамы. В противоположность своему отцу, Башар Асад никогда не мог по-настоящему управлять пирамидальной структурой, во главе которой он оказался в 2000 году, будучи выбран в качестве преемника на замену своему брату, неожиданно погибшему в автокатастрофе. «Он – не настоящий политик; он, совместно со своей женой, управляет государством, как сотрудник отдела PR», – сказал один из интервьюированных, знавший его лично. Во время своего пребывания у власти, однако, он открыл пути для неолиберальной приватизации и поощрял (или допускал) неформальную спекулятивную активность поднявшейся новой олигархии, входившей в его близкое окружение, что, по словам Салима Хеирбека (другого оппозиционного лидера, проведшего в тюрьме более 10 лет), привело к резкому росту разрыва между богатыми и бедными, особенно в сельской местности, где живет более 30% всего населения. Вследствие этого, более 1 миллиона человек эмигрировало, по большей части в Ливан, Иорданию, страны Персидского залива и Грецию.

2. От конфликта к войне

На основании полученной информации мы можем понять, как страна вошла в состояние кризиса, проявившегося вначале в виде широкого, не находившего открытого выражения социального недовольства среди низших слоев, особенно среди суннитов, составляющих около 55% населения в целом. В отличие от других религиозных групп, таких, как алавиты, шииты и различные христианские деноминации (в основном православные и древневосточные, а также католические и восточнокатолические), сирийские сунниты нашли для себя политический ориентир в виде «Братьев-мусульман», которые в Сирии, по словам одного палестинского лидера, всегда были более догматичны по сравнению с их аналогами в Египте, Тунисе или Турции.

При всех этих разделениях, важно помнить, что практически для всех сирийцев привычна жизнь в рамках националистической традиции без специального предпочтения какой-либо религии. Поэтому, когда 18 марта 2011 года внезапно вспыхнули протесты в Дераа, этот локальный конфликт, по словам очевидца, развивался под воздействием скорее общего недовольства местными властями, мэром города и органами безопасности, чем какой-либо идеологии. Источником «искры» было то, что стали называть «арабской весной». События, последовавшие затем в Хомсе, Хаме, Идлибе и других местах, представляли собой действительно народное движение, вначале требовавшее демократических реформ, а затем, когда эти требования оказались безрезультатными, – свержения режима Асада через вооруженный протест.

«Да, силы безопасности вмешались», – сказала нам в Дамаске д-р Бусейна Шаабан, специальный советник президента, очень известный человек, – «но мы с самого начала говорили, что там была вооруженная составляющая. Они убивают наших лучших людей, а сейчас они атакуют наши аэропорты – как израильтяне».

Эта дискуссия – «кто бросил первый камень» и «кто первый выстрелил», – как бы она ни казалась неуместной в конфликте, который, согласно цифрам ООН, обошелся уже более чем в 20 тысяч человеческих жизней, стала для обеих сторон конфликта «краеугольным камнем всего политического строительства». Правительство использует ее, чтобы оправдать чудовищное усиление своих репрессий против народного движения; противоположная сторона пользуется ею для того, чтобы призвать к внешней интервенции по образцу Ливии.

«В моем квартале на востоке Дамаска я никогда не видел иностранца, но я много раз видел «эскадроны смерти», рышущие туда-сюда после взрывов бомб», – рассказывает один из

участников народного движения в предместьях Дамаска, ставших одним из многих районов боевых операций Сирийской свободной армии (ССА). По словам других свидетелей, преследование жертв и массовые казни стали обычной практикой в этой неравной конфронтации между боевыми отрядами оппозиции и «шабиха» – ополчением, действующим в тесном взаимодействии с силами безопасности и армией. Соотношение боевых сил оценить очень трудно. Повстанцы, с которыми мы беседовали, говорят, что на их стороне около 40 тысяч вооруженных бойцов, в то время как численность сирийской армии обычно оценивается в 160 тысяч человек – и это одна из лучше всего оснащенных армий в регионе. По сведениям Avaaz – источника, как правило, хорошо информированного, – индивидуальные перебежчики из армии были, но не было ни одного случая, когда на противоположную сторону переходила бы целая рота. Армия не использовала свои силы полностью, вероятнее всего – боясь потерять контроль над ними: иначе это было бы непонятно. «Работают всегда 4-й и 10-й батальоны, так называемые спецподразделения и 52-я бригада», – говорили те же собеседники. – «Они, должно быть, уже устали».

Армия как таковая мало втягивалась в межконфессиональные столкновения, усилившиеся за время конфликта. Так, во всяком случае, говорил нам руководитель неправительственной газеты в ответ на наши вопросы в Дамаске: «... потому что в армии тоже есть представители разных религиозных групп». Другие заявляли, что в этих столкновениях между сектами участвуют силы безопасности и группы ополчения. Солдаты, однако, не защищают гражданское население – наоборот. Они, как правило, используют свою огневую мощь с дальнего расстояния, с воздуха или с земли, разрушая целые районы, где происходят боевые действия. Таким образом, например, было полностью разрушено более половины Хомса.

«Единственная власть в Сирии – власть оружия», – сказал один из наших собеседников; по заявлению координатора батальона в Дамаске, «в Сирии не может быть никаких освобожденных зон, пока их можно достать артиллерией и авиацией». Отсюда можно сделать лишь один вывод: в Сирии ведется война высокой интенсивности, многими характеризующаяся как гражданская война, в которой ни одна сторона не способна добиться военной победы. Об остальном говорит молчание кладбищ – и огромное число беженцев.

Цифры в 1.2 миллиона беженцев внутри Сирии и 250 тысяч – в соседних странах представляют собой, по всей видимости, осторожные оценки. Директор ливанской Caritas, например, оспаривает официальную версию, согласно которой в Ливане всего 60 тысяч сирийских беженцев: по его словам, «их должно быть по крайней мере 150 тысяч».

Из бесед с этими беженцами видно, что основное чувство огромного большинства сирийского населения можно описать всего одним словом: СТРАХ. Страх бомбежек, страх попасть под перекрестный огонь, страх, что тебе перережут горло безжалостные экстремисты с той или другой стороны, страх, что не удастся добраться до границы. Нельзя сказать, что большинство населения поддерживает ту или иную сторону в этом конфликте, поскольку многие, особенно среди средних слоев, однозначно находятся в оппозиции режиму Башара Асада, но еще больше боятся «того, что будет потом». Кроме того, многие (часто не желая того) оказываются вовлечены в вооруженное сопротивление – и боятся собственной военной некомпетентности не меньше, чем бомб с самолетов.

Все эти составляющие нужно учесть, задаваясь вопросом: кто побеждает в этой войне? Ответ: НИКТО!

3. Многообразие оппозиционных групп

Описать характер сирийской оппозиции очень трудно. В ней есть сильная социальная составляющая, особенно среди низших слоев населения, в пригородах и сельской местности. Но этим дело не ограничивается. Продолжает существовать политизированное и образованное меньшинство, ведущее, с четкими политическими формулировками, борьбу за демократию.

Среди них много интеллектуалов, таких, как те, с которыми мы имели возможность разговаривать в Дамаске, – люди, прошедшие годы в тюрьмах при Хафезе Асаде за участие в движениях и левых партиях, созданию которых они содействовали. Другие живут сейчас за границей, многие – в Париже, как Хейсам Манна, вице-президент оппозиционной коалиции «Национальный

координационный комитет за демократические перемены», и Мишель Кило, университетский профессор в Сорбонне, могущий рассчитывать на многочисленных сторонников и определенную организационную инфраструктуру внутри страны.

Все эти левые и леволиберальные демократы рассматривали восстания в марте 2011 года как возможность осуществить те демократические перемены, за которые они боролись всю свою жизнь. Двое из них, д-р Файез Фавас и Салим Хеирбек, спустя неделю после первых волнений в Дераа написали президенту письмо, выдержанное в таком духе, но никакого ответа в то время не получили. Лишь через несколько месяцев один армейский генерал обратился к ним, желая получить дальнейшие разъяснения.

Они были не единственными, кто на высоком уровне обращался с настоятельными требованиями демократии, отражая волю сирийцев, вышедших на улицы. Некоторые высокопоставленные представители ливанского движения «Хезболла» и палестинского движения ХАМАС рассказывали нам, что Башара Асада в ходе непосредственных личных визитов убеждали провести демократические реформы настолько быстро, насколько это возможно. Согласно этим источникам, даже вице-президент Сирии и некоторые министры выступали за политическое решение конфликта, и президент формально соглашался с этой перспективой.

Президенту, однако, потребовался почти год, – и это стоило народу Сирии более 10 тысяч жизней, – пока он не издал в феврале 2012 года указы о так называемых «демократических реформах». По словам двух сирийских парламентариев, с которыми мы беседовали, эти конституционные реформы содержали три основных пункта:

- 1) Отмена положений прежней конституции, согласно которым «руководящей партией в обществе и государстве» могла быть лишь партия Баас. Реформой предусматривалось, что на предстоящих выборах в парламент партия Баас может располагать в общей сложности «только» 67 процентами голосов, в то время как 25% депутатов парламента должны были принадлежать к числу так называемых «независимых» кандидатов.
- 2) Восстановление и расширение гражданских свобод, в частности – права на демонстрации и создание независимых СМИ. Эта реформа резко контрастировала с каждодневным крайним насилием и систематическими убийствами, которым подвергались участники протестных выступлений.
- 3) Уважение к культурным различиям. Целью этого положения было сохранение запрета на деятельность «Братьев-мусульман», салафитов и других исламских организаций, которые рассматриваются как стремящиеся установить религиозную систему правления посредством введения шариата.

Всем нашим собеседникам, кроме представителей правительства, было очевидно, что эти реформы не только были крайне слабыми в смысле институционального оформления (они были разработаны даже без консультаций с самим правительством) и содержания (в частности, они исключали «братьев-мусульман» в качестве возможного политического выбора в рамках участия в демократическом процессе), но к тому же были провозглашены в момент максимально острых военных столкновений.

С другой стороны, этот факт указывает на то, что, как можно предположить, существует некоторая напряженность, связанная с разногласиями внутри правительства или между «внутренним кругом» режима, добивавшимся военного решения путем уничтожения оппозиции на местах любой ценой (политической и гуманитарной), и его «внешним кругом», рекомендовавшим с начала конфликта переговорное решение.

На стороне оппозиции, разделение еще сильнее – между теми, кто верит в политическое решение, и теми, кто призывает к вооруженной революции при сильной поддержке или даже открытой интервенции со стороны других стран – таких, как Катар, Саудовская Аравия, Турция, Франция и Соединенные Штаты. Здесь первые были вынуждены уступить вторым из-за крайней поляризации позиций в ходе конфликта, а также потому, что «милитаристов» подстрекали салафиты и лидеры «Братьев-мусульман», входящие в состав Сирийского национального совета (СНС) и проводящие большую часть времени в Турции или странах Залива. Однако, судя по интервью с людьми на местах, не следует переоценивать реальное влияние последних, несмотря даже на то значительное количество оружия, которым они сумели вооружить своих рядовых сторонников. «Салафиты в

Хомсе начинали с численности 11 человек; сейчас у них, может быть, 500», – сообщил один активист, потерявший семь членов своей семьи.

В действительности у нас создалось впечатление, что координация между различными политическими и военными группировками внутри Сирии очень слаба. Это в значительной степени обусловлено постоянными жесткими действиями сил безопасности и тем, что армия способна держать под контролем значительную часть городов, даже не будучи в состоянии контролировать деревню. Это также обусловлено тем обстоятельством, что ССА не смогла создать главное командование – по причинам, которые нам не удалось установить. «Сирийская свободная армия – не организация, а брэнд, который берет любой боевик», – заметил один из наших собеседников. Он рассказал нам, что, когда он приехал в одну деревню в районе Идлиба, он обнаружил два подразделения ССА, которые вели боевые действия друг против друга: «Первое из них происходило из одного клана, а второе было частью группировки, занимающейся контрабандой наркотиков».

Даже если и предпринимаются серьезные попытки добиться координации, по крайней мере на региональном уровне, народное движение еще очень далеко от формирования какой-либо связной структуры. Это составляет проблему для армии и сил безопасности в деле уничтожения мятежников: у последних нет ни видимой, ни невидимой «головы», которую можно было бы отрубить. С другой стороны, из-за этого движению и боевикам трудно выступить с определенной политической позицией. Отсутствие какого-либо политического фронта и/или главного военного командования, наподобие тех, которые существовали и сейчас существуют во многих других происходящих в мире серьезных конфликтах, должно стать предметом анализа, если ставить целью достигнуть более глубокого понимания сирийской оппозиции. В то же время это отсутствие серьезно ухудшает перспективы устойчивого политического решения в Сирии: нет легитимной политической и/или общественной авторитетной инстанции, к которой можно было бы обращаться для достижения более высокого уровня координации.

4. О внешнем вмешательстве и о конфессиональном сектантстве

Все наши собеседники указывали, что конфликт, уже обладающий всеми характеристиками открытой гражданской войны, стал неуправляемым, поскольку в него вовлечено слишком много внешних сил. По словам одного из представителей гражданской оппозиции, «это мировая война на сирийской площадке». На самом деле, если бы в этом конфликте действовала логика национальных интересов, он так или иначе был бы разрешен уже давно – просто по экономическим причинам. «За 18 лет Сирия, бывшая одной из очень немногих стран без внешнего долга, потеряла 150 миллиардов долларов», – указывают источники. – «Восстановление после этой войны займет более 30 лет».

С самого начала конфликта почти у всех крупных держав мира обнаружились собственные геополитические интересы в Сирии, которую они рассматривают как краеугольный камень политической архитектуры Ближнего Востока. Во время «холодной войны» Сирия стала одним из ближайших союзников СССР, и даже сейчас Россия сохраняет там свою важнейшую военную базу в регионе.

С другой стороны, по словам Генерального секретаря Коммунистической партии Ливана, США сформировали альянс с «умеренным исламом» (как это называет президент Обама) в Катаре, Турции и Саудовской Аравии (несмотря на господствующий там ваххабитский фундаментализм), и этот альянс оказывает военную поддержку «братьям-мусульманам» в Сирии. Один из палестинских лидеров в Дамаске даже сказал: «Обама стал главным политическим руководителем «Братьев-мусульман», – добавив: «Если цель этой революции – положить конец коррупции, я хочу участвовать в ней, но мы не сможем поверить в это, если на руководство ею претендует [саудовский] король Абдалла».

По словам представителя высшего руководства Арабского национального конгресса, «Катар и Турция утверждают, что они стремятся разрушить режим Башара Асада, но в реальности они хотят уничтожить Сирию». В ответ на вопрос, почему дело обстоит таким образом, видный деятель ливанского движения «Хезболла» дает следующий анализ ситуации: «После вывода американских войск из Ирака открылся стратегический коридор от Тегерана на Багдад, Бейрут и

Дамаск. Формируется новый стратегический альянс, из которого исключен только Каир. В Сирии решается вопрос не о демократии, а о стратегическом равновесии всего Ближнего Востока. Мы не можем допустить отвлечения главного фронта борьбы – против сионизма и империализма».

В этом и причина того, почему конфликт приобрел религиозный аспект, особенно для участвующих в войне «Братьев-мусульман» и салафитов. Почти все наши собеседники соглашались с тем, что, хотя этот конфликт как таковой не является религиозным, конфликты между суннитами и шиитами (включая алавитов) и между мусульманами и христианами используются мятежниками в качестве инструмента их политических замыслов; тем самым заполняется идеологический вакуум, существующий в движении сопротивления в целом. В то же время, сообщается о таком же сектантском подходе с правительственной стороны, где он базируется на религиозной группе алавитов, предоставляющей силы для прорежимного ополчения, известного как «шабиха».

5. Предложения по достижению мира через политический диалог

Все эти факторы, вместе взятые, делают исключительно сложным не только анализ ситуации, но и саму мысль о возможности как-то выбраться из этой лавины бомбежек и кровопролития, которая продолжает мучить огромное большинство сирийского народа ежедневно и еженощно. За время работы нашей миссии по выяснению ситуации нам стало ясно, что, несмотря на всю сложность конфликта, разнообразие подходов и крайнюю поляризацию, есть одно, с чем согласно подавляющее большинство населения, так же, как и самые высокопоставленные и четко формулирующие свою позицию политические лидеры, сторонники правительства и оппозиции, беженцы внутри страны и покинувшие ее: **МЫ ДОЛЖНЫ ОСТАНОВИТЬ НАСИЛИЕ!**

Но как мы можем это сделать? Этот же главный вопрос мы задавали сами себе во время всей нашей поездки. Что можем мы рекомендовать, будучи всего лишь обычными участниками гражданского общества из разных стран Европы, с каждым днем все более встревоженных тем, как донести до мира информацию о происходящем в Сирии? Мы не являемся официальными посредниками; поэтому мы не можем претендовать на то, чтобы повлиять на крупных игроков, побудив их изменить свое принципиальное отношение к этому столь крупномасштабному конфликту геополитических интересов.

Что мы можем сделать – это убедить людей, где бы они ни находились, что срочно необходим диалог, чтобы превратить конфликт из военного в политический. В большинстве наших интервью мы отмечали у наших собеседников желание вступить в такой диалог – даже если они говорили, что другая сторона его не хочет.

Мы пришли к выводу, что этот диалог должен начаться без предварительных условий, чтобы не предоставлять каких-либо предлогов для отказа. Ни немедленное отстранение от власти руководства режима (и конкретно отставка Б. Асада), ни немедленное разоружение оппозиционных сил (и тем более удаление армии) не могут выдвигаться в качестве условий такого диалога.

В этом диалоге должны участвовать все реальные, имеющие социальную и политическую поддержку силы, действительно желающие в нем участвовать. Необходимо появление новой политической силы, которая продемонстрирует миру, что мир не только необходим, но и возможен, – активной силы, влияние которой сможет расти с каждым днем в бедных кварталах и богатых жилых районах, в правительственных структурах и среди оппозиционных сил, на блокпостах армии и сил сопротивления.

Такой диалог может состоять из множества диалогов на локальном и региональном уровне. Приоритет должны получить непосредственные нужды населения: медицина, продовольствие, крыша над головой и безопасность. Безопасность должны гарантировать невооруженные правозащитные комитеты, которые должны постоянно вести переговоры с вооруженными группировками на обеих сторонах конфликта.

Одновременно должен быть инициирован общенациональный диалог, который может происходить в Сирии или какой-либо другой стране. Этот общенациональный диалог должен определить условия долгосрочного прекращения огня и «правила политической игры» для

перехода к демократии. Обе стороны, и правительство, и оппозиционные силы, должны назначить своих представителей для участия в общенациональном диалоге; участники диалога должны выступать в качестве автономного субъекта, уполномоченного организовать процесс, ведущий к свободным выборам в учредительное собрание.

Все эти усилия не исключают тех посреднических усилий, которые сейчас осуществляются правительствами, оказывающими в настоящее время влияние на ситуацию в Сирии. Наоборот, одно невозможно без другого. Лишь одно должно быть ясно понято с самого начала:

РЕШЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СИРИЙСКИМ – ИЛИ ЭТОТ КОНФЛИКТ РАЗРЕШЕН НЕ БУДЕТ.

Вена, 25 сентября 2012 г.

Д-р Лео Габриэль (Австрия), социальный антрополог, член Международного совета Всемирного социального форума

Вильгельм Лангхалер (Австрия), активист движения за мир, участник Антиимпериалистической коалиции (АИК)

Евангелос Писсиас (Греция), профессор международной экономики, координатор движения «Корабль в Газу» («Свободу Газе»)

Фернандо Ромеро-Форстхубер (Испания), медиа-эксперт, активист движения за мир